

БОМБЫ И БУМЕРАНГИ

Вячеслав **Бакулин**

Ника **Батхен**

Александр и Людмила **Белаш**

Владимир **Венгловский**

Майк **Гелприн**

Александра **Давыдова**

Марина **Дробкова**

Александр **Золотько**

Вера **Камша**

Андрей **Кокоулин**

Эйлин **О'Коннор**

Игорь **Минаков**

Юлия **Остапенко**

Анастасия **Парфенова**

Ник **Перумов**

Элеонора **Раткевич**

Ольга **Рэйн**

Эльдар **Сафин**

Владимир **Свержин**

Карина **Шаинян**

Марина **Ясинская**

БОМБЫ И БУМЕРАНГИ

СОСТАВИТЕЛИ
ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН, ЛЮДМИЛА ДЕМИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б80

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Составители — Вячеслав Бакулин, Людмила Демина

Художник — Султан Галимзянов

Б80 Бомбы и бумеранги : [фантастические повести, рассказы]
/ составители Вячеслав Бакулин, Людмила Демина. —
Москва: Издательство АСТ, 2016. — 480 с.

ISBN 978-5-17-093414-0

Там, где волнуется безбрежная гладь морей или зеленое море джунглей...
где песчаные барханы встают, как горы, а горы царапают вершинами
небеса...

где нищета и бесправие засасывают жертвы вернее, чем самая без-
донная трясина, и вся ярость смерча ничто по сравнению с яростью чело-
веческой...

там и только там, — на фронтире, в Диком Поле, под чужими не-
бесами, — «сейчас» рождается в яростной схватке между «завтра» и
«вчера».

Метрополии или колонии? Наука или магия? Бомбы или бумеранги?
Экспансивно! Экзотично! Экстраординарно!

А впрочем, посмотрим, что об этом напишут в «Таймс»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093414-0

© В. Бакулин, Л. Демина, составление, 2015
© Бакулин В., Батхен Н., Белаш А. и Л.,
Венгловский В., Гелприн М., Давыдова А.,
Дробкова М., Золотько А., Камша В.,
Кокоулин А., О'Коннор Э., Минаков И.,
Остапенко Ю., Парфенова А., Перумов Н.,
Раткевич Э., Рэйн О., Сафин Э., Свержин В.,
Шаинян К., Ясинская М., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Ник Перумов

МОЛЛИ ИЗ НОРД-ЙОРКА

1

Трубы, изрыгающие черный дым, низкие облака — дымные столбы упираются в серую крышу, словно поддерживая. Облака переваливают через острые грани хребта Карн Дред, спускаются вниз, в долину, к берегам широкой Мьер. Река впадает в Норд-Гвейлиг, Северное море, а возле самого устья раскинулся Норд-Йорк.

Это он дымит трубами, сотрясает ночь фабричными гудками. Это в его гавани стоят низкие и длинные дестроеры с крейсерами, и здоровенные многотрубные купцы, и скромные каботажники. От порта тянутся нити рельсов к складам и мастерским, казармам и фортам.

Дышат огнем топки, жадно глотая черный уголь. Клубится белый пар вокруг напружившихся, словно перед прыжком, локомотивов; и породистые, словно гончие, курьерские; и пузатые двухкотловики, что тянут с Карн Дреда составы со строевым лесом, рудой, особо чистым углем, который единственный годится для капризных котлов королевских дредноутов.

Корабли увозят все это добро и из порта. Уползают, словно донельзя сытые волки от добычи.

Улицы в Норд-Йорке, в нижней его части, узкие, словно ущелья. По дну их пыхтят паровички, тащат вагонышки с фабричным людом, развозят грузы. Дома тут высоченные, в полтора десятка этажей и даже того выше. Окна узкие и тусклые, хозяйки не успевают отмывать стекла от сажи. В коричневых ящиках

под окнами — отчаянно тянутся к свету узкие стрелки лука. Без лука никак — зимой в Норд-Йорке частенько гостит цинга.

Выше по течению и по склонам берега улицы становятся шире, дома — ниже. Здесь народ одет лучше, больше пабов, кофеен и лавочек. Здесь живут лучшие мастера, инженеры, офицеры королевского гарнизона, механики и машинисты бронепоездов, прикрывающих шахты, карьеры и лесопилки на склонах Карн Дреда.

И еще здесь, на Плэзент-стрит, 14, живет доктор Джон Каспер Блэкуотер с семьей. Доктор Джон работает на железной дороге, пользуясь путевых рабочих и обходчиков, смазчиков, стрелочников, семафорщиков, телеграфистов, он вечно в разъездах на мелкой своей паровой дрезине — паровоз с полувагоном, где есть операционная, где можно принять больного и где в узком пенале купе спит сам доктор, когда не успевает за день вернуться обратно в Норд-Йорк.

— Фанни! Скажи маме, что я дома!

Молли Блэкуотер, двенадцати лет от роду, захлопнула дверь, помотала головой под низко надвинутым капюшоном. На улице валил снег. Через Карн Дред перевалила очередная масса облаков.

Фасад у таунхауса семьи Блэкуотеров узок, всего два окна с дверью. За парадными дверьми — длинный холл, дальше — гостиная, столовая с кухней. Слева от холла — папин кабинет. Он такой маленький, что там почти ничего не вмещается, кроме книжных шкафов да письменного стола. Тем не менее папа там тоже принимает больных — ну, когда оказывается дома.

Мебель в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера темная, основательная, дубовая.

Молли наконец справилась с плащом и капором. Фанни, служанка, уже, по моллиному мнению, ужасно-преужасно старая, ей ведь уже тридцать пять лет! — появилась из глубины дома, приняла заснеженную пелерину.

— Ботики, мисс Молли. Смотрите, сейчас лужа натечет. Матушка ваша едва ли будет довольна.

— Не ворчи, — засмеялась Молли, скинула как попало теплые сапожки и устремилась мимо горничной к лестнице на второй этаж, лишь на миг задержавшись перед высоким, в полный рост, зеркалом. Кашлянула — она всегда кашляла, когда зимой над городом скапливался дым от бесчисленных плавлен, горнов и топков.

В зеркале отразилась бледная и тощая девица, с двумя косичками и вплетенными в них черными лентами. Курносая, веснушчатая, с большими карими глазами. И, пожалуй, чуточку большеватыми передними зубами. В длинном форменном платье частной школы миссис Линдгроув, южанки аж из самой имперской Столицы, — платье темно-коричневом с черным же передником и в черных же чулках.

Внизу — слышала Молли — Фанни потопала на кухню. Мама, наверное, где-то там. Молли сейчас приведет себя в порядок и спустится. Правила строгие — не умывшись, не смыв с лица угольную копоть, что пробирается под все шарфы и маски, нельзя появляться перед старшими.

Фанни, понятное дело, не в счет. Она прислуга. Перед ними можно.

Младшего брата Уильяма, похоже, еще не привели домой с детского праздника. Ну и хорошо, не будет надоедать, вредина. Всего семь лет, а ехидства и вредности хватит на целую дюжину мальчишек.

Молли распахнула дверь своей комнатки — как и все в их доме, узкой и длинной, словно пенал. Окно выходило на заднюю аллею, и девочка не стала туда даже выглядывать. Мусор, какие-то ломаные ящики, конский навоз и еще кое-кто похуже — чего туда пялиться? Приличные люди — и приличные дети — там не ходят.

В комнатке всего-то и помещалось, что умывальник, шкаф, узкая кровать да небольшой стол у самого окна. Книжки, карандаши, машинка для их точки, резинки всех мастей и калибров. Огромная готовальня. Рисунки.

Рисунки были повсюду. На кроватном покрывале, на столе, под столом, на стуле, на шкафу, под шкафом — и, разумеется, покрывали все стены.

Но если кто думает, что юная мисс Блэкуотер рисовала каких-нибудь единорогов, пони, принцесс или котят с мопсами, он жестоко ошибается.

На желтоватых листах брали разбег невиданные машины. Извергали клубы дыма паровозы. Поднимали стволы гаубиц бронепоезда. Под всеми парами устремлялись к выходу из гавани дестроеры.

Пейзажи Молли не интересовали. Впрочем, как и люди. Да и машины на ее рисунках были не просто машинами — а их

планами. Детально и тщательно вычерченными, проработанными по всем правилам. На столе, пришипленный, ждал ее руки очередной механический монстр — уже неделю Молли, высунув от старания язык, пыталась изобразить сухопутный дреднот, бронепоезд, которому не нужна будет железнодорожная колея.

Поплескав в лицо водой и сменив форменное платье на домашние фланелевую рубашу и просторные штаны, Молли устремилась обратно на первый этаж.

Отвоевать право ходить так дома стоило ей нескольких месяцев скандалов и ссор, пока папа наконец не сдался.

— Здравствуйте, мамá. — Молли склонила голову.

Мать стояла посреди гостиной, в идеальном серо-жемчужном платье, скромном, но, по мнению Молли, в таком можно было хоть сейчас отправляться на королевский прием в Столице. Волосы стянуты на затылке в тугий узел, взгляд строгий.

— Молли. — Мама ответила легким кивком.

— Позволено ли будет мне есть?

— Садитесь, дорогая. Папа задерживается, как всегда, так что обедать будем без него, когда вернутся Джессика и Уильям. Не сутультесь, дорогая. Осанка, девочка, осанка! И руки, Молли, где твои руки? Где и как держат руки приличные, хорошо воспитанные мисс?

— Простите, мама... — Молли поспешно развернула плечи, сложила руки на коленях.

— Вот так, дорогая. Хорошие привычки надлежит прививать с детства. Итак, милая, как дела в школе?.. Молли, не спешите, не глотайте окончания слов и не начинайте фраз со слова «потому». Прошу вас, золотко, я слушаю.

* * *

— Гляди, Молли, «Даунтлесс»! «Даунтлесс» пошел!

— Ничего подобного, — фыркнула Молли. — «Даунтлесс» с одним орудием, носовым. Это «Дэринг». Пушку на корме видишь? Двенадцатифунтовка. Недавно только поставили.

— Все-то ты знаешь, — обиженно прогундел рыжий мальчишка с оттопыренными ушами. Он и Молли сидели на карнизе высоко поднимавшегося над гаванью старого маяка. Маяк уже

не работал — вместо него построили новый, вынесенный далеко в море.

— Разуй глаза, Сэмми, — отрезала Молли, — и ты все знать будешь. «Даунтлесс», «Дэринг» и «Дефенсив» — три сестер-шипа. Только что пришли с Севера. С канонеркой «Уорриор».

— Эх, хоть одним бы глазком увидеть, — вздохнул Сэмми, — как они там, за хребтом, по берегу бьют...

Да. Хребет Карн Дред был северной границей Империи. За ним тянулись бескрайние леса, как далеко — не сказал бы ни один имперский географ. Когда-то давно страна, где жила Молли, была островом. Бриатанией. Но потом — потом случился Катаклизм. Тоже очень, очень давно. И остров сделался полуостровом. Пролегли дальние дороги, зазмеились реки, озера раскрыли внимательные глаза.

И туда, за острые пики Карн Дреда, пришли невиданные раньше тут жители. Жители с непроизносимым именем Rooskie.

Молли вздохнула, поглубже натянула настоящий машинистский шлем. Его ей подарил папа, а ему он достался от механика, которому папа спас ногу, пробитую круглой пулей из древнего мушкета этих самых Rooskies.

Порыв ветра швырнул в лицо жесткую снежную крупу по полам с угольной гарью; рыжий Сэмми чихнул, Молли закашлялась, заморгала, поспешно опуская на глаза здоровенные очки-консервы. Очки тоже подарил папа. Такими пользуются путевые обходчики на самых глухих ветках, подходящих к отдаленным карьерам и лесопилкам.

Сэмми глядел на подругу с неприкрытой завистью. Конечно, на Молли теплая кожаная курточка на меху, исполосованная застегжками-молниями, штаны из «чертовой кожи» со множеством карманов, высокие ботинки с пряжками. В школе приходилось носить форму, но в прогулках по городу мама Молли уже не ограничивала. Особенно сейчас, гнилой зимою.

Сам же Сэмми дрожал в худом и явно тонковатом пальто, истертом на локтях почти до дыр. Ботинки тоже вот-вот запросят каши, а клетчатые брюки — испещрены заплатами.

Сэмми жил «за рельсами» — за Геаршифт-стрит, по которой к порту, заводам и вокзалу ходил паровичок. На Геаршифт кончался «приличный», как говорила мама, район и начинались кварталы «неудачников», как говорил папа. «Впрочем, — добавлял он неизменно, — лечить их все равно надо. Таков долг врача, не забывай об этом, Молли, дорогая».

Ни мама, ни папа Блэкуотеры не одобрили бы пребывания их дочери в компании мальчишки «с той стороны». Впрочем, Молли уже успела усвоить, что рассказывать и делиться надо далеко не всем. Даже с родителями. И особенно — с родителями.

— А моего папку отправили сегодня, — сказал Сэмми, провозжая взглядом «Даунтлесс», который на самом деле «Дэринг». — Новую ветку тянуть. Через ущелье Кухир.

— Кухир? — удивилась Молли. — Это же... на ту сторону!

— Ага, — Сэмми шмыгнул носом. — А там эти... Rooskie.

Ага, подумала Молли. Rooskies очень не любили, когда на их границах начинали рубить лес, засыпать овраги, строить мосты через горные реки или пробивать тоннели.

— «Геркулес» отправили их защищать, во! — нашел наконец Сэмми повод для оптимизма.

— «Геркулес»?! Во здорово! — искренне восхитилась Молли. — Эх, жаль, я не видела...

— Ночью уехали, — чуть снисходительно сказал Сэмми. — Вы ж еще спите в такую рань. Только мы встаем, заводские.

— И «Гектор», наверное?

— Не, «Гектор» по-прежнему в ремонте. — Сэмми с важным видом почесал нос. — Не починили еще. «Геркулес» один отправился.

«Геркулес» был самым большим и мощным бронепоездом в Норд-Йорке. Два двухкотловых паровоза, самых сильных, что производили заводы Империи, шесть боевых броневагонов, два вагона-казармы, вагон-штаб с лекарской частью; Молли ошибочно перечислила бы количество и калибры всех до единого пушек и пулеметов, которыми щетинилась бронированная громада, сейчас, знала она, выкрашенная в смесь грязно-серых и грязно-белых изломанных полос.

Ходила с «Геркулесом» всегда и малая бронелетучка с красным и запасными рельсами-шпалами, на случай, если какая-то досадная причуда судьбы повредит пути. Зачастую страховать гиганта отправляли и старенький заслуженный бронепоезд «Гектор», пускали вперед, отчего тот и претерпевал регулярно всяческий ущерб.

Но на сей раз «Геркулес» отправился один. Значит, дело действительно срочное.

Молли не успела обдумать все это, потому что в порту заревел гудок. Два буксира осторожно тянули к причалам низко си-

дящую громаду «Канонира», тяжелого монитора береговой обороны. Он ушел из гавани четыре дня назад и — говорил папа за ужином — не ожидался раньше, чем через две недели.

Что-то и впрямь случилось.

— Молли, ты глянь! — аж задохнулся рядом Сэмми.

Солнце скрывали низкие тучи, к ним примешивалась всегдашняя дымка, висевшая повсюду в Норд-Йорке, сыпала снежная крупа, но Молли все равно отлично видела, что монитор сидит в воде почти по самую палубу, куда глубже, чем полагалось. Увидела следы гари на серых боках рубки и боевой башни с торчащими жерлами четырнадцатидюймовых орудий. Сбитые ограждения мостика, отсутствующие стены и леера; из окрестностей трубы исчезли выгнутые раструбы воздухозаборников, без следа сгнули оба паровых катера. Нет и пары скорострелок правого борта («QF орудие Mk II калибром $4\frac{5}{8}$ дюйма, длина ствола 40 калибров, вес снаряда 45 фунтов», — тотчас произнес голос у Молли в голове) — на их месте выгнутые и перекрученные полосы металла, словно зверь драл лапами древесную кору.

Что случилось? Почему? У Rooskies же нету тяжелых пушек! Да и выглядел бы монитор после артиллерийского боя совершенно иначе.

Они смотрели на медленно проплывающую громаду. А это что еще такое?

— З-зубы как б-будто? — Сэмми широко раскрыл глаза.

И точно. Кормовую надстройку наискось прорезало нечто навряд когтистой лапы, а на крыше ее четко отпечатались огромная челюсть, словно волчья или медвежья.

— Молли, что это?

— Осколки, наверное, — неуверенно предположила та. — Мина могла взорваться, в минном аппарате, например, у де-строера рядом... осколки разлетаются, а если, скажем, еще и мачта упала как-нибудь неудачно...

— Не, Молли. — Сэмми стучал зубами от страха. — В-волшебство это, Молли, точно тебе говорю!

— Тише ты! — оборвала его девочка. — Даже вслух такого не произноси!

Магия — страшное дело. Магия — ужас и проклятие Норд-Йорка, как и всей Империи. Магия появилась после Катаклизма, как, откуда, почему — никто не знал. Или, может, знал, но детям, даже таким, как Молли, из приличных семей, ничего не говорили.

Магия не поддавалась контролю. Ею нельзя было управлять. Ее не нанесешь на чертежи, не рассчитаешь на логарифмической линейке или даже на мощном паровом арифмометре. Она приходит и властно берет подданного ее величества королевы за горло, и остается...

И не остается ничего.

Нет, сначала все хорошо и даже не предвещает беду. Тебе просто начинает везти. Сбываются какие-то мелкие желания. Ты не выучила урок — а тебя не спросили, и вдобавок отменили контрольную. Ты опрокинула оставленные молочником бутылки — а они скатились по ступеням, не разбившись. Противное рукоделие как-то само собой оказалось сделанным. Порванная куртка — целой. А на носу у противной Анни Спринклс из параллельного класса, дразнилы, ябеды и задаваки, тоже сам собой вскакивал исполинский пламенеющий прыщ, стоило только пробормотать про себя пожелание.

А потом...

Потом ты бы испугалась. Постаралась бы ходить осторожно-осторожно, учить все-все уроки и даже помирилась бы с противной мисс Спринклс.

Но было бы уже поздно.

Ночью тебя стали бы будить жуткие сны и ты просыпалась бы вся в поту, от собственного крика. Ты сделалась бы в этих снах чудовищем, призраком, ангелом Смерти, Черным Косцом, пробирающимся ночными улицами Норд-Йорка. Ты забавлялась бы, оставляя криво выцарапанные кресты на дверях, а на следующую ночь приходила бы снова, одни касанием заставляя лопнуть все панически запертые замки и засовы, шла бы по темным комнатам и забирала жизни. Забирала бы жизни детей, прежде всего — детей. С тем, чтобы потом насладиться горем и отчаянием родителей.

Но этого мало. Магия, проникшая тебе в кровь, продолжала бы свою работу.

И в один прекрасный день ты перестала бы быть человеком. Перестала бы быть молодой мисс Моллинэр¹ Эвергрин Блэк-уотер, дочерью почтенного и уважаемого доктора Джона К. Блэк-уотера. Ты стала бы чудовищем, самым настоящим чудовищем.

¹ Автору известно, что имя Молли — уменьшительно-ласкательное от «Мэри» или «Маргарет». Но у нас, как-никак, события происходят после Катаклизма...

А потом — потом ты бы взорвалась. Твое тело просто не выдержало бы жуткого груза. Кровь, текущая по жилам, подобно воде по трубкам парового котла, обратилась бы в пламя. И, словно перегретый пар, вырвалась бы на волю.

Там, где была девочка, взвился бы к небу огненный столб, словно от попадания четырнадцатидюймового снаряда. На добрые две сотни футов во все стороны не осталось бы ничего живого.

Поэтому в Норд-Йорке и несет службу Королевский Особый Департамент. Их черные мундиры знает весь город. Черные мундиры и эмблему — сжатый кулак, душащий, словно змею, рвущиеся на волю языки злого пламени. Мундиры черны. Кулак на эмблеме — серебряный. А языки пламени — алые.

У них есть особые приборы — досматривающие часто устраиваются в людных местах, на вокзале, например, на конечных остановках паровичков, что возят заводских к цехам и обратно. Приходили они и в школу Молли, разумеется. Класс замер, глядя на сумрачных мужчин в черном, с начищенными медными касками, словно у пожарных, украшенных черно-бело-красным гребнем.

Прибор, похожий на камеру-обскуру, с большим блистающим объективом, глядел холодно и устрашающе. Девочки одна за другой садились перед ним, досмотрщик крутил ручку сбоку, в объективе что-то мигало и мерцало, и ученице разрешали встать.

Почти всегда.

Один раз, в прошлом году, Дженни Фитцпатрик вот так же точно, как остальные, села перед объективом, робея и комкая вспотевшими пальцами края передника; так же точно закрутил ручку бородатый досмотрщик; так же засверкало что-то в глубине аппарата, за линзами — и вдруг все замерло.

Бородатый кивнул своему напарнику с серебряным угольчатым шевроном на рукаве. Тот плотно сжал губы, вскинул голову, шагнул к треноге, на которой возвышалась камера, глянул куда-то за отодвинутые шторы, скрывавшие от учениц бок прибора — и резко положил руку на плечо сжавшейся Дженни.

Молли помнила, как двое досмотрщиков рывком подняли ее со скамьи — ноги больше не держали мисс Фитцпатрик. Впрочем, уже и не мисс и даже не Фитцпатрик.

Больше Дженни никто не видел. Шепотом передавали слухи, что всех «выявленных» отправляют куда-то в Столицу, чтобы «сделать безопасными для окружающих», однако Дженни в

их класс так и не вернулась. И на свою улицу не вернулась тоже, а родители, к полному изумлению Молли, вели себя так, словно ничего не случилось, а их дочь просто поехала погостить куда-то на юг к любимой тетушке.

От мыслей про магию Молли стало совсем зябко.

— Пошли по домам, Сэмми.

— Погоди! — возмутился тот. — Смотри, «Канонира» уже почти подвели! И прожекторами освещают! Гляди, гляди, ты же у нас его знаешь лучше, чем, наверное, его капитан! Что ж его так изглодало-то? Если не... э... ну, это самое?

Сэмми не слишком хотелось идти домой, и Молли его понимала. Кроме него, в семье еще шестеро братьев и сестер, а жили они не в таунхаусе, как семья д-ра Блэкуотера, а в двух крошечных комнатках, где кухня с ватерклозетом приходилась еще на восемь таких же.

Правда, и мать Сэмми не кудахтала над ним, отнюдь нет. И не смотрела, когда он возвращается домой. Правда, уже начала спрашивать, когда он перестанет болтаться без дела и начнет зарабатывать. Все старшие в его семье уже приносили домой когда шиллинг, когда два, а когда и все пять — в особо удачных случаях.

Они остались. И смотрели на тяжко осевший монитор, осторожно подводимый к причалу. К причалу, не в сухой док — значит, чинить особо нечего.

На палубе «Канонира» суетились люди. Суетились, на взгляд Молли, совершенно бессмысленно. Что она, не видела, как швартуются мониторы? А здесь что? Ну, чего приседать подле дырок, где надлежало быть воздухозаборникам? Чего там смотреть? От этого они обратно не вырастут. А ты, моряк в шапочке с помпоном, чего уставился на пустые киль-балки? Катер сам собой не вернется.

— Как ты думаешь, — с придыханием спросил Сэмми, — что у них там случилось? Куда катера подевались? И шлюпки?

— Может, спускали, чтобы к берегу подойти? А там что-то случилось? Сам ведь знаешь, какое там море...

Сэмми знал. Норд-Гвейлиг словно сходило с ума, там, к северу от Карн Дреда. Берег вздыбливался неприступными скалами с редкими проходами, прибрежные воды превращались в сплошные поля подводных рифов, чьи острые зубья все как один смотрели в сторону открытого моря.

На «Канонире» наконец завели концы, перебросили трап. Молли видела, как из подкатившего паровика выбрались несколько офицеров — серебряные погоны, аксельбанты, обязательные к ношению в «тыловых гаванях».

Следом за ним к причалам медленно и осторожно подводили нарядную паровую яхту, все иллюминаторы в кормовой надстройке радостно сверкают огнями. А по пирсу проползла целая вереница локомотивов, глухих, закрытых, черных.

— Кто-то из пэров приехал...

Молли кивнула. Пэры Королевства частенько навещали Норд-Йорк. Наверное, куда чаще, чем любой другой город в северной части страны, почему — Молли не знала. Может, оттого, что этот город оказался ближе всего к войне? Отсюда к Карн Дреду тянулись стальные нити путей, здесь выгружались батальоны горнострелков и егерей, здесь строили и ремонтировали бронепоезда.

Про пэров в городе знали все, однако вот держались они как-то тихо и незаметно: подружки Молли в школе наперебой обсуждали светские новости из Столицы, балы, наряды и все такое прочее; а в Норд-Йорке почему-то балы устраивались редко, и гости с юга на них не появлялись, к вящему разочарованию девочек в Моллином классе.

Израненный «Канонир» и роскошная яхта пришвартовались; становилось скучновато. Сам монитор Молли и впрямь знала как свои пять пальцев, все его кочегарки и машинные отделения, погреба с элеваторами, словно наяву видела круглый погон башни, ее привод, блестящие рычаги наводки, дальномеры, раскинувшие руки на марсах. Она рисовала «Канонир» и его систершип «Фейерверкер» множество раз, даже со счету сбилась, сколько именно.

— Идем домой, Сэмми. Меня мама заругает.

— А, ну да, конечно, — вздохнул рыжий мальчишка и потер оттопыренные уши. — Пошли. Завтра придешь?

— Не знаю. У меня рукоделье не сделано. Ни шитье, ни вышивка, ни вязание.

— Бррр! — помотал головой Сэмми. — Как ты только выдерживаешь? Я б лучше розгами в школе получил, чем за шитьем сидел!

— Я б тоже, — призналась Молли. — Прутьями что, потерпел чуток и все, а тут час за часом... пальцы все иголкой иско-